

Лингвистика

УДК 811.161.1'373.2

С.Г. Шейдаева

ЛЕКСИКА СОЛЕВАРЕНИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ

В статье рассматривается лексика солеварения, использовавшаяся в России в XVI – XVIII вв. Исследование проводится на материале памятников письменности и исторических словарей. Обращение к историческим словарям дает возможность расширить лексический материал исследования и уточнить значения терминов. На основе анализа привлеченного материала делается вывод о составе лексики солеварения (названия построек, инструментов, процессов, работников). Особое внимание уделено русским профессиональным фамилиям, сформированным на базе данной лексики (Солеваров, Цыренщиков, Трубников, Подварков и др.). В составе современного русского антропонимикона существует большой пласт фамилий, происхождение которых связано с лексикой старинных крестьянских ремёсел и промыслов. Все они требуют своего осмысления и истолкования. Лексика старых промыслов в современном языке находится на периферии употребления, однако в ней хранится информация о материальной культуре народа и истоках многих русских фамилий.

Ключевые слова: лексика солеварения, специализация нарицательной лексики, русские «профессиональные» фамилии, устаревшая лексика.

Вопрос о лексике крестьянских промыслов (кожевенного, кузнечного, деревообработки), проанализированной автором на материале памятников русской деловой письменности и лексикографических источников в предыдущих статьях (2014, 2015, 2016) с точки зрения ее состава и функционирования в профессиональной коммуникации, получает в данной статье свое дальнейшее развитие. Здесь представлен анализ лексических единиц, использовавшихся в сфере солеварения в России в XVI – XVIII вв. Промысловая русская лексика удивительно разнообразна и дает много информации собственно лингвистического характера. В памятниках письменности и исторических словарях зафиксированы многочисленные единицы солеваренной лексики, образованные по живым словообразовательным моделям ушедших эпох и сохраняющие в своей семантике актуальные для тех времен значения и смыслы. В статье собраны и проанализированы названия мест, построек, приспособлений и инструментов, использовавшихся на соляных промыслах, но в центре внимания на протяжении всей работы находятся наименования лиц. Именно они являются основой для образования антропонимов разных видов, хотя в целом лексика солеварения, в силу своей специфики, породила сравнительно немного русских фамилий. Наиболее яркие из них – Рассолов, Цыренщиков, Трубников, Подварков, Солеваров, Водолеев, Выскребенцев и некоторые другие.

Вопрос о лексике солеварения в русском языке уже освещался в ряде работ – в статьях С.В. Чирковой «Слово *варница* в истории русского языка» (2000) [37] и И.А. Подюкова «Лексика прикамского солеварения как объект лексикографии» (2010) [22], в кандидатских диссертациях Н.А. Ставшиной «Лексика соляного дела Русского Севера (на материале деловой письменности Спасо-Прилуцкого монастыря XVI -XVII вв.)» (1985) и Л.М. Пантелеевой «Лексика солеварения в русском языке на материале памятников письменности и современной речи жителей г. Соликамска» (2013) [21]. Ценным источником сведений о языке солеваров является также известная монография историка Н.В. Устюгова «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в.» (1957) [34]. В нашей статье для исследования лексики солеварения привлекаются памятники русской письменности XVI–XVIII вв., словари русского языка XI - XVII и XVIII вв., словари обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. и промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. и некоторые другие.

Важное место, которое занимали в России соляные промыслы, подтверждается наличием названий некоторых современных городов. Это, например, *Соликамск* – «город, возникший на базе соляных промыслов» [5. С. 133], ранее имел название *Соль Камская (Усолье Камское)*. Как пишет Д.В. Гаврилов, первые солеварницы в Прикамье появились в низовьях реки Усолки (приток Камы) в 1430 г. [8. С. 23, 24], а «при Петре I в Соликамской провинции было уже шесть солеваренных заводов [22. С. 25]. В одном из памятников письменности читаем: «Что было доходцовъ денежных съ камскихъ соляныхъ варенокъ имали по двадцати тысячъ пудъ соли оброчной» (1663) [30. Вып. 4. С. 346].

Схожую историю имеет город *Сольвычегодск*. В XIV в. на берегу реки Вычегды (приток Северной Двины) у Соляного озера было основано *Вычегодское усолье* или *Соль Вычегодская*. Позднее Сольвычегодск стал крупным центром солеварения, «главной резиденцией династии Строгановых» [22. С. 26]. Г.Ф. Миллер писал: «Аника Строганов был богатым человеком Соли Вычегодской, где он завел соляные варницы, приносившие ему и государству большие доходы [16. Т. 1. С. 201]. В архивных материалах, относящихся к XVII в., сообщается: «А судов летом плавают по Вычегде реке с солью по пяти на год и по шти, и по семи болших» [4. Т. 3. С. 150], «а живут, государь, у Соли Вычегодские все посацкие людишка работные» (1627) [30. Вып. 15. С. 21].

Город *Солигалич* Костромской губернии также был основан в XIV в., на месте открытых соляных источников. Сначала новое поселение называлось просто *Соли*, затем «в отличие от подобных же местностей» было прибавлено *Галичские* [31. С. 752]. Например: «Даль есмь святой Троици... половину свое варници и половину колодезя, что у Соли Галицские (1392 г.) [30. Вып. 7. С. 245].

Современный город *Соль-Илецк* – это бывшие *Илецкие соляные копи* на реке Илек. Существует еще целый ряд подобных топонимов. Кроме того, многие местности назывались просто *Усолье* от нарицательного *усолье* «местность у соли» [36], а их жители – *усольцами*, например: «на Выме реке ... в усолье стоят пять варниц» [4], «память усольцу, посадкому человеку, выборному целовальнику Дмитрию Ферапонтову» (1645) [2. С. 7]. Отметим также прозвище *Усолкин* у одного чердынского посадского человека [34].

До того, как начать обустраивать усолье, нужно было отыскать «*россольные места*», которые обычно находились в болотистых и сырых пространствах, покрытых низким ельником или стелющимся по земле березняком или совсем лишенных всякой растительности. В таких местах домашний скот и лесные звери оставляли много следов во время лакомства соленой почвой, – пишет А.А. Введенский в монографии «Дом Строгановых в XVI–XVII вв.» [7. С. 89]. В других источниках о поисках соли читаем: «нашел пельымской стрелец Васька Осетр росол соляной на Покчинке..., и вы того росолу посылали сыскивать» (1600) [16. Том 2], «доискиватца соляного росолу работными наемными людьми» (1668) [30. Вып. 10. С. 102]. Фиксируются в памятниках письменности топонимы и антропонимы, содержащие в своих основах отсылку к слову *рассол*, например: «пришел в дрвню на *Росолниково*» (Волоколамский м-рь, 1574) [30. Вып. 16. С. 102], «да с Михаилом да с Богданам *Расоловыми* с товарищи» (1639) [20. С. 161].

Подземные соляные рассолы образовывались в результате попадания пресной воды на *соляные пласты* [34. С. 34], а *рассолом* называлась насыщенная соленая вода, из которой вываривалась соль на солеварнях [35]. Иногда *соляной источник* выходил из-под земли наружу и образовывал *соляной ключ*. Естественные «рассолы», появившиеся на поверхности земли, редко имели достаточную соленость, так как на небольшой глубине они сильно разжижаются почвенными водами, поэтому, чтобы избежать разжижения растворов, старались брать их, по возможности, глубже, ближе к соленосному месторождению. Для этой цели проводили *шахты*, по которым соляной раствор поднимался вверх наподобие артезианских колодцев [31. С. 827].

После обнаружения и извлечения рассола производилась подготовка его к выварке, испарению, высушиванию полученной соли, ее хранению и продаже. Но перед этим требовалось оборудовать промысел необходимыми постройками и приспособлениями: «под варницу и под весь варничный обиход место расчистить, и варницу, да амбар на соль, да двор, да на дворе две избы да клеть поставить, и дров к соляному варенью приготовить, и уголья ужечь, чтоб ни за чем соляное варенье не стало» (1600) [16. Т. 2], «и ему варницы ставить, и соль варити, и трубы соляные и колодези делати» (1688 г.) [30. Вып. 7. С. 245], «а как варнишний промысел заведут и соль учнут варить и с той земли и с варнишного промыслу велено... оброк платить» (1699) [26. Вып. 2. С. 28].

Шахта, по которой поднимался рассол, называлась *колодецем* (*колодезем*, *колодезем*): «Въ Лопалахте колодезь солоной съ порубами, две варници да изба» (1568) [30. Вып. 17. С. 133], «Варница с колодецом и с трубами и с варничным местомъ» (1582) [30. Вып. 7. С. 246]. Л.М. Пантелеева отмечает, что общенародное слово *колодець* получило солеваренную специализацию еще в древнерусский период путем следующей семантической специализации: *колодець* «глубокая яма, служащая для добывания воды из водоносных слоев земли, стены которой защищены от обвала» > *колодець* «защищенная срубом яма для добывания соляного раствора» [21].

В кандидатской диссертации этого автора делается вывод о том, что «специальная лексика донаучного периода отличается по лингвистическим характеристикам от лексики современного научно-

технического языка и лексики профессиональных диалектов. Ее функционирование ограничивается специальными сферами деятельности, а происхождение складывается естественным путем. Это дает основание называть общую совокупность специальной лексики донаучного периода народной терминологией или терминологией народной речи» [21]. По наблюдениям Пантелеевой, «источником лексики солеварения в русском языке, как правило, являются единицы общенародного лексического фонда. Специализация общенародной лексики осуществлялась путем разных видов переноса значений и изменения семантического объема слов. Процесс специализации слов общенародного языка протекал в разные исторические периоды, что связано с экстралингвистическими факторами (технологическими обновлениями на соляных заводах)» [21].

Итак, *колодезный мастер*, или *колодезник*, копал колодец («А приехал де ... в деревню съ колодезниками» 1689 г. [30. Вып. 7. С. 245]). Из колодца по деревянному *желобу* рассол подавался в варницу [34. С. 37]. Желоб – это длинное и узкое углубление, канал для стока воды, обычно выдолбленный в полукруглом бревне [35]. Фамилия, связанная своим происхождением с этим существительным фиксируется в источниках XVIII в., например: иркутский вице-губернатор *Жолобов* [23. С. 3].

Хранили рассол в деревянном *ларе*, сделанном из толстых сосновых досок или брусьев [34. С. 37], это было «сооружение в виде большого прямоугольного чана, куда поступал и где отстаивался добытый рассол» [21]. Примеры из памятников: «Место варнишное с варницею и с ларем» (1579), «И онъ варницу поставилъ, и црень, и ларь, въ чомъ росоль держати» (1602) [30. Вып. 8. С. 173]. Об этом сооружении и называющем его слове Л.М. Пантелеева пишет следующие: «Язык того или иного промысла часто складывается не путем выработки новых лексических единиц, а путем специализации значений слов, используемых в повседневном бытовом общении. Так например, ларем на соляных заводах называли резервуар для отстаивания рассола, а на помольных промыслах – резервуар для воды со спуском на водяное колесо и т. п.» [21].

Какие специалисты были востребованы в солеварении? Как отмечено в разных деловых бумагах XVII в., это были «повары, и водолии и песочъники, и дровосеки и хлебники» (1627) [30. Вып. 15. С. 21], «а въ томъ нашемъ усольишке поваровъ, и поварниковъ, и водолеевъ, и дрововозовъ, и гулящихъ всякихъ варничныхъ работниковъ близко двусотъ человекъ» (1654 г.) [30. Вып. 15. С. 140]. Н.В. Устюгов сообщает: «На каждую варницу полагалось восемь работных людей: один соловар, или варничный повар, один его помощник – подварок, четыре водолива, добывавшие рассол из труб и заливавшие его в црен, один дрововоз и один мешкодер – человек, державший мешки при набойке соли, выносимой из варниц» [34. С. 230].

Итак, во-первых, это были *варничные* или *соляные повара*. Слово *повар*, восточнославянское по происхождению, в общенародном языке означало того, кто занимается приготовлением пищи (XII в.) [30. Вып. 15]. В рассматриваемой нами профессиональной сфере его значение суживалось до специального – «тот, кто занимается солеварением, солевар» (1624) [30. Вып. 15]. Например: «Максимко повар варнишной и цыренник» (1628) [26. Вып. 2. С. 28], «Козмина сына, соляного повара» (1668) [30. Вып. 15].

Широко использовалось и более специализированное название – *соловар (солевар)*, например: «Каждая соловарня управляется четырью работниками; из них один настоящий соловар» [29. Вып. 5. С. 29]. В исследованиях историков при указании на профессию работника рядом с его фамилией обычно стоит именно это слово, например: солевары Вепревы на Двине (1580) [12. С. 173], солевар Беклемишев в Троице-Сергиевом монастыре (1612) [11. С. 51] и мн. др. И.А. Подюков указывает фамилию *Солеваров* как «образованную от именованя отца по роду деятельности» [22. С. 26].

Помощника солевара называли *подваром* [30. Вып. 13. С. 188] или, чаще, *подварком* [34. С. 144] – от глагола *подварить* [30. Вып. 15]. Примеры из текстов: «Въ 109 и въ 110 году на всякое варничное дело... и что давано подваркомъ и водоливомъ и дрововозомъ, и на всякие розходы вышло денегъ шестьдесятъ четыре рубли» (1602 г.) [30. Вып. 15. С. 225], «подварку Евдокимку Дементьеву» (1646) [30. Вып. 13. С. 188], «Соловаром дву члком да подварку дано найму 15 алтын» (1664 г.) [30. Вып. 15. С. 225]. В документах XVII в. записан крестьянин *Подварков* [34].

Следующими по значимости в списках работников соляного промысла обычно называются *водолеи (водоливы)* и *дрововозы*. Сами эти слова использовались не только в сфере солеварения. Так, в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» указано, что *водолив* – это тот, «кто занимается работами, относящимися к перевозке и разливу воды, соляного раствора на промыслах, откачке воды на судне», а *водолей* – «работник, имеющий отношение к воде» и «работник, нося-

щий соляной раствор из колодца в варницу» [26. Вып. 2. С. 265]. Внутренняя форма обоих этих слов отражает связь с действием *лить* и объектом *вода*, то есть «прототипические» водолеи (водоливы) *лили воду* и в этой функции были востребованы в самых разных сферах деятельности – на больших и малых судах для откачивания воды, были банные водоливы и т.д., существовало целое «водоливно дело» [26. Вып. 2. С. 265].

Вполне закономерное распространение этих номинаций на деятельность, связанную не только с водой, но и с другими жидкостями, привело к их специализированному использованию, например, в значении «кто доставляет и льет соляной раствор (рассол) из колодца в варницу» или, как пишет Н.В. Устюгов, «добывает рассол из труб и заливает его в црен» [34. С. 230]. Примеры из текстов XVI–XVIII вв.: «а росоль лють къ варницы изъ одного колодезя» (1593) [30. Вып. 8. С. 242], «У тех же варниц анбар соляной избушка где живут водоливы» (1701) [26. Вып. 2. С. 265], «Находящимся при двух варницах ...водолеям, которые и соль носят, ...по 17 рублей каждому» [29. Вып. 3. С. 255]. Отметим имена собственные, связанные с данными терминами: усалец *Водолиев* (1651) [32. Том 2], купцы г. Кашина *Водолеевы* (XVII–XVIII вв.) [10].

Большое значение в работе любого соляного промысла имело обеспечение его дровами, главным образом – сосновыми и еловыми [34. С. 247]. В лексике этой сферы хорошо отражена специализация таких работников – упоминаются *дровосек* («дрова сечь», «дровяная сеча»), *дрововоз* («дровяная возка»), *ухватчик* «утопых» дров и некоторые другие. Из памятника начала XVII вв.: «За дрововоску и за дровосечку перед прежним найму прибавить велено с лишком» [30. Вып. 4. С. 358].

При устройстве варницы решались вопросы о том, «как к варнице дрова возить: реками ли, которыми дрова к варнице гонять, или возами возить, и сколь далее будет от варницы лес» (1600) [16. Т. 2], имеется ли достаточное количество работников для этого. Нередкими были жалобы на то, что «на дровяную сечку и на возку и на соляную варю послать нечего» (1647) [26. Вып. 2. С. 29], «варничного леса добыть не мочно, лес поудалел и мерзл» (1600) [16. Т. 2], «варить нечем, потому что людей дровосеков нет, возить некому, всего у него один дрововоз, и тот возит беспрестанно, и одному дров возить не успеть и делать некем; ...люди иные разбежались, лесу не секли и не возили, ... и ныне де соляному промыслу за дрова стать» (1602) [16. Т. 2], «Как дрова изойдутъ варить соль нечемъ, потому что людей дровосековъ нетъ» (1602) [30. Вып. 4. С. 357]. За своевременным подвозом дров к варницам следили специальные *дровяные нарядчики* [34. С. 233].

Дровосеки рубили (*секли*) дрова *дровосечными топорами* [30. Вып. 4. С. 357], отдыхали в *избушках дровосечных* (1578) [3. С. 126]. Термин *дровосек* был образован в общенародном языке, однако на соляных промыслах он являлся одним из активно употребляемых. Это позволило историку Н.В. Устюгову предположить, что антропоним *Дровосеков* был порождением именно этой профессиональной сферы. Говоря о девятилетнем мальчике Родионе Дмитриеве Дровосекове, автор пишет, что «прозвище этого мальчика позволяет сделать предположение, что его отец был когда-то варничным работником» [34. С. 203]. Помимо этого, историк фиксирует данное именование и у одного соликамского посадского человека. *Дрововоз* – это возчик дров, которые он возит на *дрововозных волах* или лошадях, например: «всего у него один дрововозъ, и тотъ возить беспрестанно» (1602) [30. Вып. 4. С. 357]. Имя собственное от данного названия деятеля в памятниках исследуемого периода нами не было обнаружено.

Заготовленные в лесу дрова могли доставляться по рекам. Если речки были небольшими, то дрова сплавлялись не плотами, а *модем*, то есть россыпью. У промыслов устраивали запруды, где дрова задерживались [34. С. 253]. Когда нужно было «ухватить» целый дровяной плот, то тут уже требовались *ухватчики*, которые выполняли работу по «хватке» из воды варничных дров, выгрузке их на берег и охране; в зимнее время приходилось еще и «выламывать изо льда варничные дрова» [34. С. 157, 214, 257]. Хранили дрова на *плотбищах* (*плодбищах*) или дровяных *кладбищах* (*кладбищах*), например: «а надобно вперед на плодбище на год 1200-ти сажень» (1602) [16. Т. 2], «з дровяными плодбищи и со всеми варнишными заводы» (1700) [26. Вып. 2. С. 28], «прежь того на томъ месте было кладище дровяное къ варницамъ» (1593) [30. Вып. 7. С. 147].

Заготовка дров предусматривала их сушку в *кострах* установленного размера, например: «варничных утопыхъ дров... класть на берегу в костры плотно (1684) [30. Вып. 7. С. 367]. *Костром* называли поленницу дров, кладку лесоматериалов [30. Вып. 7. С. 367], а само это место – *кострище*. Например: «он с кострищ к варницы дрова подваживал» (1662) [30. Вып. 7. С. 370].

Итак, выше были названы такие необходимые для соляного промысла специалисты, как *солевары* (соляные повара) и те, кто обслуживал весь процесс добывания рассола и его варки. Но всё же

самые главные «действующие лица» нами еще не были названы, а это *трубник* и *цыреницик*. Первый из них должен был «посадить трубу» в землю, то есть привести в рабочее состояние рассолоподъемную шахту (колодец), второй – подготовить солеварный котел или сковороду (црен / чрен) и обеспечить его бесперебойную работу.

После того, как колодец был вырыт, к работе приступал *трубный мастер* или *трубник*, например: «чтобь трубных мастеровъ привесть было къ тому месту и заводъ завести соляной надежно» (1665) [30. Вып. 10. С. 65]. *Трубник* – это организатор работ по сооружению и подготовке к работе рассолоподъемной шахты (1621 г.) [27. С. 198], он должен был *посадить трубу* на соляном промысле, то есть опустить ее в вырытый колодец. Пример из памятника: «И он Ворошилко... росолу не видел, а ездил он осенесь, и посадил одну трубу, да опоздал, потому что стал замороз вскоре» (1602) [30. Вып. 17. С. 151].

В энциклопедическом словаре 1900 г. находим следующее описание этого процесса: «Во многих случаях употребляются *деревянные трубы* (из сосны). Для узких скважин берутся или цельные просверленные стволы, или разрезанные по длине на две половины, которые при помощи шипов и металлических колец наглухо соединяются между собой. Для широких скважин их делают из досок, связанных между собой медными или латунными кольцами. ... При рыхлом грунте в буровую скважину вставляется сначала более широкая труба, затем в нее опускается другая, служащая для извлечения рассола... Для соединения деревянных труб конец одной трубы заостряется конусообразно, а другой расширяется и для прочности они стягиваются болтами. Внутренний диаметр труб канала со временем сильно суживается, благодаря осаждению гипса... приходится разбирать трубопровод» [31. С. 826-827].

Н.В. Устюгов отмечает, что для главной части рассолоподъемной трубы, так называемой *матицы*, выбирали дерево длиной от 3 до 6 сажень, толщиной от аршина до 13 вершков. Середину его пробурывали или выжигали и таким образом получали трубу. На нижний конец матицы насаживали железное кольцо; «обсадная» труба доходила до рассола и была более тонкой, ее вставляли в другую трубу, а расстояние между трубами конопатили войлоком, паклей или овчиной [34. С. 35].

Устройство и опускание деревянных труб было делом достаточно сложным. *Трубные работники* делали специальные деревянные приспособления для установки труб, изготавливали сами трубы, конопатили стыки труб, чистили трубы, обмазывали их варом, оббивали хостом, осмаливали и т.д. [34. С. 36, 219]. В исследованиях историков находим сведения о некоторых мастерах: соликамский посадский бобыль трубный мастер *Ощерин*, трубный работник Пыскорского монастыря Степан *Боярщина* [34], трубный мастер *Чумаков* [4. Т. 2] и др.

От профессионального названия *трубник* (через прозвище и соответствующее притяжательное прилагательное) были образованы антропонимы *Трубник* и *Трубников*: «Продал Ондрей Трубников в Можайску шюбу соболью нагогну» (1574) [30. Вып. 10. С. 54], сын боярский Паликарпъ Трубникав (1619) [19. С. 110], крестьянин из Енисейска Герасим Кирилов Трубник (1680) [13. С. 232], приказчик Трубников (1675) [32. Т. 1]. И.А. Подюков дает такой комментарий: «Фамилия *Трубников* восходит к названию работника на соляной шахте (*трубе*) *трубник*» [22. С. 26].

Выпаривание рассола и вываривание из него соли производились главным образом в открытых плоских сковородах до 150 кв. м., называемых *чренами* или (на северных варницах) *цренами*, которые были, как правило, четырехугольными [31. С. 831; 13. С. 41]. Само это название фиксируется в разных вариантах, помимо упомянутых это еще следующие – *церен*, *черен* (с ударением на первом слоге). М. Фасмер указывает др.-рус. *черень* «сковорода для выпарки соли» [36], а в этимологическом словаре под ред. О.Н. Трубачева дано и более раннее значение – «верхняя часть очага» [39. Вып. 4. С. 70], по которому можно предположить этимологию данного термина (его связь со словом *чёрный*).

Изготавливали црен из толстого листового железа – *полищ*, которые скрепляли специальными *цыренными гвоздями с нагвоздьями* (заклепками). На верхний край црена набивали со всех сторон *порубни* – железные полосы. Делали варничные црены кузнецы, *кузнец-цыреницик* был необходимым лицом на каждом соляном промысле [34. С. 38, 225]. Примеры из памятников письменности: «Да четыре црены, на дву, починивъ, соль варить, а два на железо розсекати, а порубни къ новымъ цереномъ пригодятся» (1568) [30. Вып. 17. С. 135], «А соляной црен пришлем к вам тотчас ... Да и кузнеца б есте, с кем цренному мастеру црен сковать» [16. Том 2]. В варнице над очагом црен подвешивали, а над ним на перекладах устраивали помост из досок (*полати*), куда помещали свежевываренную соль для просушки [34. С. 38].

Кузнецы ремонтировали црены, ковали запасные части: «И вперед на тот црен на засыпку и замаску дироватых мест смолоти гсдрвы ржи сколко доведется» (1646) [30. Вып. 5. С. 312]. «Соляной промысел не мог существовать без железа. На соляных варницах, где главной частью являлся црен (железная сковорода больших размеров для выпаривания рассола) существовал постоянный спрос на железо» [13. С. 41].

Цыренным (церенным) мастером, или *цыренщиком (цыренником)*, называли также и того, кто вываривает соль в црене (1592) [27. С. 197], например, «Максимко повар варнишной и цыренник» (1628) [26. Вып. 2. С. 28], среди работников Пыскорского монастыря значился Дмитрий Фуфилда, цыренщик [34. С. 225]. Антропоним, связанный своим происхождением с этим родом занятий, зафиксирован в памятнике XVII в.: *Цыренщиков*, усалец [32. Т. 2]. И.А. Подюков отмечает еще два графических варианта данной фамилии – *Циренщиков* и *Церенщиков* [22. С. 26].

В процессе солеварения принимали участие и другие работники, например, *песочники (пескари)* – так назывались те, кто удалял из црена нерастворимый осадок, *песок*, образующийся при солеварении [30. Вып. 15. С. 17]. Например: «А живут, государь, у Соли Вычегоцкие все посацкие людишка работные, повары, и водолии и песочники, и дровосеки и хлебники» (1627) [30. Вып. 17. С. 21], «Июля вь 29 де имь же повару и пескарю и дву водолиям дано вь 3 неделю поварьи всего 2 рубли алтын 2 де» (1677) [26. Вып. 2. С. 264]. Слово *пескарь* в этом специальном значении могло быть образовано либо сразу как суффиксальное производное со значением лица по объекту действия (*песок* > *пескарь*, как *гвоздь* > *гвоздарь*), либо как результат игрового соотношения названия *песочник* с однокоренным созвучным словом *пескарь*, называющим рыбу. Вероятнее всего здесь второе, на что косвенно указывает и несколько более поздняя фиксация слова *пескарь* по сравнению со словом *песочник*.

Н.В. Устюгов пишет, что рассол кипятили до так называемого *засола* когда на палке, опущенной в црен, появлялись кристаллики соли. Если соль «пускали в привод», то есть на кристаллизацию, то плотно запирали дверь и под влиянием сильного жара испарялись остатки воды. Соль оседала на дно црена, ее охлаждали и выносили в амбар [34. С. 38-39]. В одном из старых документов говорится о том, что «варнишная ... работа прискорбна, многие люди от варнишные работы изнемогают» [34. С. 238]. В энциклопедии XIX в. сообщалось, что при кипении из рассола выделяются гипс, углекислые соли кальция, магния, окись железа, органические вещества, которые собираются на поверхности рассола в виде пены и оседают на дно сковороды в виде *шлама*. Рабочие постоянно сгребали этот шлам к бортам, чтобы не было пригорания, затем выгребали его лопатами и складывали в плетеные корзины на краю сковороды, чтобы стек рассол, или же складывали на колпак над сковородой [31. С. 833].

Осевшую соль сгребали *греблом*, в результате чего получался *сугреб* – «сгреб соли с црена». Древнерусское *сугребь* в значении «груда, куча» соотносилось с глаголом *съгрени* «сбить» [6. С. 18]. Данный термин в солеварении приобрел также и метрологическое значение – «количество соли» [12. С. 177] или «мера соли в варницах» [22. С. 28]. Примеры из памятников письменности: «продал... четверть двенадцатого сугреба росолу на Великих местех в Климинской варнице» (1572) [3. С. 12], «...с шестой доли сугреба» (1578) [3. С. 121]. Производные от этого слова – *полсугреба*, *подсугребье*.

После сгребания полученной соли црен *выскребали* [29. Вып. 5. С. 29] и *отрясывали*. В одном из текстов XVIII в. сообщалось, что «тяглые» работники подкладывают дрова и *выскребают соль* [29. Вып. 5. С. 29]. Слово *выскребать* могло послужить производным для названия лица по этому действию – *выскребенец*, отраженного в прозвище XVI в. и в современной фамилии: «стрелец Савва Выскребенец» (1593) [19. С. 48], тележурналист *Выскребенец*. По-видимому, можно говорить и о существовавшей связи некоторых других антропонимов с данным видом работ в варнице, таких, как *Скребцов*, *Скребков* и даже *Скрябин*. Так, в 1567 г. фиксируется солевар с Двины по прозвищу Семен Скребцов [11. С. 123], купец XVIII в. Скребков [1], устюжанин XV в. Василий Скряба [25], красноярский воевода М. Скрябин в XVII в. [13. С. 83].

Под *отряской* црена понималось «удаление приварившейся соли из црена» [22. С. 28] или полное удаление из него соли и последующий ремонт црена [34. С. 225], например: «Да на церенных отрясках подварок Гришка Росказ издержалъ своеи муки с пуд на замаски што церен ветчанои» (1645) [30. Вып. 14. С. 25]. Данное понятие могло породить термин *отрясывальник*, отраженный в структуре антропонима XVII в.: усалец *Отрясывальников* (1655) [32. Том 2].

Прием готовой соли из соляных варниц осуществлял *соляной приемщик* [34. С. 233]. Для *прошки* свежесваренную соль помещали на помост (*полати*) из досок, который на перекадинах уст-

раивали над цреном [34. С. 38]. Хранили готовую соль в амбарах: «Да анбаръ соляной, да клеткишко безъ дверей соляное» (1568) [30. Вып. 7. С. 166], «продали црен и варницу с местом, да анбар соляной и двор дровозной» (1573) [3. С. 41], «Недалеко подле варниц имеются... анбарчики, где соль по просушке сохраняется» (XVIII в.) [29. Вып. 1. С. 57].

Для последующей продажи соль поступала на склады, где ее развешивали и упаковывали. Для упаковки использовались *кули* и *мешки* (*меха*) [31. С. 835]. Меха представляли собой большой емкости *рогожные кули* [7. С. 276] или *рагозины соляные* [3. С. 307]. Например: «куплено под запас 7 меховъ рогожных» (1614) [30. Вып. 9. С. 130], «Две рогожи соли да полкуля соли» (1656) [30. Вып. 16. С. 224], «Для соленой в рогозинные мехи набивки» (1615) [30. Вып. 10. С. 18], «20 мешковъ рогожныхъ» (1667) [30. Вып. 9. С. 142]. Мерой служил также и *полумех*, например: «сто сем полумехов соли пермянки» (1676) [30. Вып. 14. С. 308].

Мех (первоначально так назывался мешок из шкуры животного) издавна употреблялся для переноски, перевозки жидких и сыпучих веществ. Существовало специальное название для носильщика, который носит кожаные мехи, – *мехоноша*, этим словом называли также и того, кто занимается черной работой. В составе личного имени фиксируется, в частности, в 1624 г.: «Ивашко... *Мехоношинъ*» [30. Вып. 9. С. 132]. Следует отметить, что данная фамилия в одной из наших статей, посвященных профессиональным русским фамилиям, была неверно отнесена к группе имен собственных, связанных своим происхождением с продавцами кож и мехов [38]. Фамилия фиксировалась в Вятской губернии в XIX в. [15], есть ее носители и в современной Удмуртии.

Еще одно специальное слово в лексиконе солеваров – *набивка* соли в мешки, пример из текста: «имъ набити и обшити, и отвесити и в стопы ту соль положить» (1598) [30. Вып. 10. С. 19]. Н.В. Устюгов пишет: когда соль снимали с варничных полатей и *набивали в мешки* для переноса в амбар, то употребляли небольшие мехи, вмещавшие в себя 3 пуда соли. Но употребляли и другие мехи или рогожи, в которые *набивали* соль при перевозке ее водным путем на большое расстояние [34. С. 295]. Тару набивал солью *набойщик* [27]. Глагол *набивать* в общенародной речи означал «колотить» [28] или «туго втискивая, вкладывая внутрь, наполнить что-л. чем-н.» [35], использовалось также орудие *набивальник* – «палка, которой набивают в мешок муку» [28]. Человек, державший мешки при *набойке соли*, выносивой из варниц, назывался в XVII в., по данным Н.В. Устюгова, *мешкодером* [34. С. 230] (тот, кто держит мешки).

В сфере соляной торговли в XVII в. существовало также слово *метчик*, которое словаре промысловой лексики поясняется как термин солеварения через существительное *набойщик* [27]. В рассматриваемых нами контекстах действительно обнаруживаем синонимию глаголов *набивать* и *метать* и соответствующих отглагольных имен, например: «казаком лодеиным дал... от соли от метания 4 алтына» (1587) [30. Вып. 9. С. 124], «Грузил большую лодью корелку солью дал в Неноксе двум члвком метчиком два алтна что они соль метали в мехи» (1639 г.) [30. Вып. 9. С. 128], «Двум лодьям на грузку нанято в Унском Усолие два метчика соль в мешки метали» (1643) [26. Вып. 4. С. 289]. Но была, по-видимому, и разница в работе метчиков и набойщиков, первые еще и взвешивали соль, например: «Метчиком дано за работу полтины... а соли они метчики весили 1000 пуд» (1665 г.) [30. Вып. 9. С. 129].

Языковое значение глагола *метать*, в котором он использовался в разных жизненных сферах, – это «бросать, кидать», например: «дрова метали в воду и плавили и на гору подымали у варницы» (1587) [30. Вып. 9. С. 124]. На соляных промыслах употреблялся также глагол *наметывать* в значении «набрасывать», например: «Соль наметывали да муку и рожь носили» (1587) [30. Вып. 10. С. 151], и производное от него наименование лица – *наметчик*. Пример из памятника: «Наметчиком соляным двум члком» (1640) [30. Вып. 10. С. 151].

Итак, соль *набивали*, *метали* и *наметывали*, а также и *засыпали*. Так, А.Г. Мосин комментирует фамилию *Засыпкин* не только как производную от *засыпка* «помощник мельника», но и как «работник на солеварне, засыпающий соль в мешки» [17. С. 370]. Приведем примеры фиксации носителей этого антропонима: работник рыбного промысла Засыпкин (1724) [9. С. 138], владелец железодельных заводов в Тульской губ. Засыпкин (XIX в.) [24. С. 181]. Однако подчеркнем, что всё же словом *засыпка* чаще всего называли помощника мельника.

Подготовка к солеварению и весь этот производственный процесс состоял из различных работ: надо было «трубы соляные» и «колодези» делать, и «варницы ставить», и «соль варити» и т.д.. В связи с этим, был востребован труд *колодезников*, *трубников*, *кузнецов*, *цыренщиков*, *песочников*, *набой-*

щиков, метчиков, приемщиков, а также дровозовов, водолеев, хлебников и прочих. Обязательной принадлежностью каждого соляного промысла был *хлебный амбар* или даже несколько амбаров. Работники на солеварнях у Соли Камской кормились привозным хлебом, и даже владельцы промысла расплачивались с ними нередко именно хлебом [34. С. 271]. В списках работников на солеварнях практически везде упоминаются *хлебники*, с названием которых связана современная фамилия *Хлебников*.

На соляные промыслы ради заработка приходили люди из самых разных мест. Н.В. Устюгов говорит о «приходцах» к Соли Камской в 1678–1679 гг. из Чердыни, Устюга Великого, с Вятки, Двины и других мест [34. С. 147]. Л.М. Пантелеева добавляет: «Выходцы из Вологды, Тотьмы, Пинеги, Нижнего Новгорода и других промысловых территорий возводили на заводах Соли Камской не только хозяйственные объекты традиционного северного типа, но и приносили на эти земли особенности профессионально-диалектной речи» [21]. Е.И. Заозерская пишет о том, что кроме специалистов по солеварению на соляном промысле были и «казаки», то есть наемные из разных мест на разные работы [11. С. 27]. Нередко это были просто «гулящие люди», то есть не приписанные ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам, например: «а въ томъ нашемъ усольишке поваровъ, и поварниковъ, и водолеевъ, и дровозововъ, и гулящихъ всякихъ варничныхъ работниковъ близко двусотъ человекъ» (1654 г.) [30. Вып. 15. С. 140].

Состав прозваний этих людей, под которыми их записывали в деловых документах, очень пёстрый. Производных от календарных имен не так много, например: соляной варец Павлик *Аврамов*, цренов мастер Васька *Петров* [16. Т. 2], солевар Кондак *Алексеев* [34], солевары *Фатьяновы* в Соли Галицкой, солевары и кузнецы в Соли Камской *Филатьевы* [11].

Гораздо больше среди них прозвищ и отпрозвищных именовании, например: на Двине – солевары *Вепревы*, Григорий *Заверткин*, владелец варницы Ивашка *Костылев* [12. С. 173-180], солевары в Соли Галицкой *Говоров*, *Скребцов*, *Скулин*, *Шевелев*, солевар в Старой Руссе *Чистяхин* [11. С. 28-31], соликамский солевар *Щепоткин*, трубный мастер *Ощерин*, трубные работники Пыскорского монастыря *Черногрудов* и *Шибанов* [34] и др. А.А. Введенский отмечает существовавшую практику замены имеющихся имен прозвищами: «У Строгановых и в числе дворовых, и в числе жильцов... мы видим многих, потерявших свои имена... и называемых только прозвищами: Муха Кузнец, Подосен, Сивко, Новик, Тусельник, Недорез» [7. С. 89].

У работников солеварен фиксируется немало антропонимов, связанных, по-видимому, с прежней семейной профессией, например: солевар в Старой Руссе «из Новгорода гость» *Воскобойников*, крупные солевары в Тотьме *Гусельниковы*, солевар в Старой Руссе *Молодежников*, солевар в Уне *Шахматников* [11] и др. Еще одна группа имен собственных мотивирована топонимами, указывавшими на прежнее место жительства работников их или их предков: солевар *Галичанин* [4. Т. 3], москвитин солевар у Соли Камской *Чебоксарец* [11] и др.

Многие из приведенных выше антропонимов составили историческую основу уральских фамилий, например, *Вавулин*, *Вепрев*, *Гусельников*, *Заверткин*, *Костылев*, *Шевелев*, *Щепотин* [17].

Н.В. Устюгов говорит о людях разной национальности, работавших на соляных промыслах. Например, это «уроженец калмыцкой породы» Андрей Никулин *Пермяков*; признаком былой зависимости этих купленных калмыков, отмечает автор, остались лишь фамилии, унаследованные ими от своих бывших владельцев. Это и *турчанин* Филипп Трофимов, значившийся на соликамском дворе думного дьяка среди его дворовых людей, а в начале XVIII в. ставший Филиппом Трофимовым *Турчаниновым*, одним из богатых посадских людей Соли Камской, а его сын стал известным соликамским солеваром и родоначальник уральской горнозаводской семьи Турчаниновых [34. С. 205-206].

Рабочую силу на солеваренных промыслах Соли Камской составляли главным образом *посадские люди* - так называлось тяглое торгово-ремесленное население русских городов [30. Вып. 17]. Сложные жизненные обстоятельства нередко вынуждали их продавать свои варницы, отдавать за долги или же приобретать вскладчину. Много такого рода фактов отражено в актах Соловецкого монастыря XVI в., например: «продал есми... на Владычне четверть росолу, и с местом варничным, и с варницею, и с кострищем, и четверть ветшана црена; а то мне угодье Борису пришло за долг от Пани от Соколникова» (1572) [3. С. 15], «продал есми... шестую ночь росолу в црене в Пияле, в колодызе, и в варнице, и в костришних местех по той доле, что мне, Аникею, досталось по закладу... от своего тестя» (1572) [3. С. 19]. «продал... посилье свое, треть места варничного, и треть црена, и треть двора, и в хлевах треть, и в клетех, и в трубах, и в колодезях» (1573) [3. С. 36].

В XIV–XV вв. соль была одним из самых дорогих предметов питания в России. Примеры из памятников: «Купили на домашней обиходь полпуда соли» (1586) [30. Вып. 16. С. 252], «сто пудов соли и десять пуз» (1572) [3. С. 6]. Во внутренней торговле соль занимала главное место среди других ископаемых, а с XVI в. соль из России вывозилась в Швецию и Литву, с XVII в. – в Англию [33. С. 574].

Среди «торговых людей» существовали особые *торговцы солью* или *соленики* [5. Том 1. С. 110, 142]. Последнее слово послужило основой для антропонима *Соленик*, зафиксированного в списке шуйских посадских людей 1646 г.: «Максим Яковлев снь Соленик» [18. С. 244]. Соленики (солеторговцы) перевозили соль на возах и по воде, например: «С воза соли – по 5 алтын» [34. С. 308]. На ярмарках были соляные ряды, где соль продавалась из *ларей*, *рундуков* (большие лари с поднимающейся крышкой), например: «продал рундук и с местом в соляном ряду (1692)» [18. С. 126].

Для перевозки соли речным путем использовались разного рода суда, например: «Покупают на соляную возку лодьи и карбасы» (1674) [30. Вып. 17. С. 136], «Приплыл на Устюг Великий дощаничишко соляное» (1637) [30. Вып. 4. С. 348], «А судов летом плавают по Вычегде реке с солью по пяти на год и по шти, и по семи болших...» (XVII в.) [4. Том 3. С. 150]. А.А. Введенский отмечал, что в строгановском хозяйстве важную роль играло хорошо налаженное изготовление солевозных и товарных судов силами плотников – крестьян и дворовых людей [7. С. 210], а И.А. Подюков обращает внимание на то, что «развернутый ряд номинаций обращен к обозначению речных судов – именно на них отправлялась соль и завозились дрова» [22. С. 28], и называет следующие их виды – *бархот*, *межеумок*, *павозок*, *беляна*, *солянка*.

Соль сплавлялась вниз по рекам большими соляными караванами, например: «Соли пришло с Колмогорь къ Вологде девять дощениковъ, не въ полномъ грузу толко 4018 меховъ» (1676) [30. Вып. 4. С. 146]. Соляные *лодьи*, на которых отправляли соль в Нижний Новгород, были разных размеров, при этом торговец солью (солепромышленник) был заинтересован, чтобы его суда шли с полным грузом, и если своей соли ему не хватало, то он прикупал ее у соседей [34. С. 299].

Историки пишут, что первой заботой при подготовке к отправке каравана из Соли Камской была постройка лодей, при этом считалось невыгодным возвращение их, так как расходы на обратный путь вверх по Каме были выше стоимости постройки нового судна. Возвращались только те суда, которые загружали железом, *варовыми* снастями и прочими товарами. Остальные суда продавали в Нижнем Новгороде [34. С. 299]. Н.Б. Голикова отмечает, что техника плавания по рекам еще и в первой четверти XVIII в. оставалась такой же, как в начале XVII в. Вниз по течению суда шли на парусах и на веслах, вверх по течению их тянули на канатах. В состав судовых команд, обслуживающих волжские речные суда, как правило, входили *кормищик*, *водолив* и «*тяглые люди*», которые были основной тяговой силой, обеспечивающей движение судна [9. С. 63]. Каждой весной на сплав караванов с железом и солью по рекам Чусовой и Каме сходилось множество крестьян не только уральских, но и соседних губерний, среди которых было много татар, башкир, коми-зырян и коми-пермяков, чувашей, удмуртов и др. [8. С. 64].

Большой спрос на соль был на рыбных промыслах в Астрахани, обратный путь от которой до Нижнего Новгорода при благоприятных обстоятельствах длился со стоянками около трех месяцев, а вниз – около месяца [9. С. 76]. Обработка рыбы в Астрахани производилась резальщиками и солильщиками. *Резальщики* приготавливали рыбу для засолки, что требовало особых навыков, *солильщики* натирали рыбу солью и укладывали в стопы [9. С. 98].

Итак, в коммуникативной сфере соледобычи и продажи соли в русском языке XV–XVIII вв. использовались следующие наименования людей: *повар*, *поварник*, *подвар*, *подварок*, *соловар* (*солевар*), *дровосек*, *дрововоз*, *водолей* (*водолив*), *колодезник*, *трубник*, *цыреник* (*цыреник*), *песочник* (*пескарь*), *ухватчик*, *выскребенец*, *мешкодер*, *набойщик*, *метчик*, *наметчик*, *соленик* и др., а также *варничный работник*, *соляной повар*, *трубный работник* и др. Названия видов работ: *росол сыскивать*, *лить*; *варницу ставить* (*поставить*); *колодезь делать*; *трубу садить* (*посадить*); *дрова сечь*, *возить*; *соль варить*, *носить*, *метать*, *весить*, *грузить*; *црен ковать* (*сковать*), *выскрывать*, *отрясывать*, *починить* и др.

Вербализация в какой-либо сфере деятельности, отражающая процессы концептуализации, начинается, по нашим наблюдениям, с базового представления (понятия) об определенном действии, которое выполняет человек и на которое направлено его основное внимание. Факты из истории русского языка свидетельствуют о том, что название данного действия и становится, как правило, основой словообразовательного гнезда, каждый из членов которого отражает определенные этапы профессионального познания.

В коммуникативной сфере солеваренного производства в XV–XVII вв. таким словом, отразившим исходное представление, был глагол *варити* «приготавливать пищу путем кипячения (о жидкостях) или кипячения в жидкости (о твердых веществах)» [26. Вып. 2]. Значение этого глагола восходит к общеславянскому «бить ключом, бурлить, кипеть» [36]. В разных производственных сферах глагол *варить* имел специализированное значение «приготавливать путем нагревания до кипения и дальнейшего кипячения» [26. Вып. 2] и использовался для обозначения самых разных процессов – варки соли, плавки железа из руды, изготовления селитры и т. д. Также широко применялся глагол *вываривать* – вываривали не только соль, но и клей, пряжу, масло, деготь и т.д. [29], в результате получалась, например, *выварочная соль*, *выварочная пряжа* и др.

В солеварении глагол *варить* стал мотивирующим для названий практически всех сопутствующих *варке соли* предметов, лиц и процессов, в результате чего значение некоторых общеизвестных слов сузилось и они стали ассоциироваться только с солеварением. Такова история слова *варница*, имевшего первоначально более широкое значение «помещение, специально оборудованное для изготовления путем варки пива, соли, селитры, дегтя и др.» [26. Вып. 2], например: «Варница Микулы Яковлева сына Сохина пивная, и винная, и воценая, и салная» (1587) [26. Вып. 2]. Постепенно это слово (с определением *соляная* или без него) стало устойчиво обозначать только *солеварню*, например: «И ему варницы ставить, и соль варити, и трубы соляные и колодези делати» (1688 г.) [30. Вып. 7. С. 245]. И прилагательное *варничный* стало ассоциироваться с солеварением, что отразилось в таких названиях, как *варничные промыслы*, *варничные работы* и под.

В лексике солеварения в словообразовательное гнездо с исходным глаголом *варить* входили следующие единицы: название процесса – *варя*, *варенье*, *варка*, *выварка*, *солеварение*, деятеля – *варец*, *солосвар* (*солевар*), *повар*, *поварник*, *подвар*, *подварок*, количества соли, сваренного за один раз, – *варя*, *завар* (первая варя), осадок на црене после солеварения – *варь*, признаки предметов и лиц – *варничный*, *варовый*, *выварочный*, *отварный* «относящийся ко времени, необходимому для выварки соли» [30. Вып. 13] и др.

Отглагольное производное *варя* использовалось не только в солеварении – это и *соляная варя* [4], но и *пивная варя* [18], и *две вари мыла* [29. Вып. 4. С. 194] и т.д. В силу своей соотнесенности с глаголом, это слово могло обозначать как сам процесс варки, так и его результат (количество сваренного вещества), и даже место, где что-то варят. В солеварении важным признаком данного явления оказался также временной. Так, первую варю называли *завар* [34. С. 219], речь могла идти также о второй и последующих *варях*, например: «Каждая сковорода произведет в год сто варь, а соли каждый раз в осадку 200 пудов» [29. Вып. 2. С. 219].

Самыми ранними были так называемые *черные варницы* – «деревянные плотно закрывающиеся здания с ямой, внутри которой горят дрова; над ямой ставится сковорода. Дым и пар уходят через отверстия в крыше. Из-за малого доступа воздуха при горении образуется много сажи, которая покрывает стены варницы и придает серый цвет получаемой соли» [31. С. 831-832]. Н.В. Устюгов говорит о том, что стены варницы делались из толстых сосновых бревен, яма (или *варничная печь*), находящаяся внутри, выкладывалась камнем, дно посыпалось песком [34. С. 37].

Словом *варница* могли называть не только само помещение (напр., *построить варницу*), но и емкость, в которой варили соль («Кипели варницы, вываривая соль» [12. С. 173]), и всё усолье в целом. Это проявление общеязыковых закономерностей метонимического сужения и расширения семантики лексической единицы. В словаре Д.Н. Ушакова *варница* определяется и как заведение для добывания соли путем вываривания из соляных источников, то же, что *солеварня*; и как «большая железная сковорода, в которой в солеварне вываривается соль из соляного раствора» [35].

Сочетаемость имени прилагательного *варничный* в значении «относящийся к варнице» отражает практически весь спектр работ в солеварении и всё пространство этой производственной сферы: *варничный промысел*, *варничная земля*, *варничное место*, *варничный двор*, *варничные трубы*, *варничные дрова*, *варничные корыта*, *варничный работник*, *варничный повар* и мн. др. Например: «места варничные чистят и дрова варничные возят» [34. С. 144], «Досмотреть варничного места и варничных труб» (1653 г.) [30. Вып. 15. С. 139].

Если базовым предикатом в сфере солеварения является глагол *варить*, то центральным концептом, конечно же, – *соль*. Это отражено во многих контекстах, где добыча соли описывается как цель всей работы промысла, например: «А как варнишный промысел заведут и соль учнут варить и с той земли и с варнишного промыслу велено... оброк платить» (1699) [26. Вып. 2. С. 28]. Соединение

в структурах производных слов и в составе словосочетаний имени ключевого концепта (*соль*) и базового предиката (*варить*) также отражает их устойчивое объединение в профессиональном сознании. Отметим следующие единицы: *солеварение, солеварня, солевар; соляное варенье, соляная варя, соляная варница, соляной повар* и др.

Несомненно, что *Соль* является одним из лингвокультурных концептов русского языка. Об этом свидетельствует разветвленное лексико-семантическое поле, представленное в русском литературном языке, в которое входят не только слова, образованные морфемным способом (*солить, соленый* и их производные *пересолить, засолить* и т.д.), но и семантическим способом (когнитивная метафора), – *соль земли русской, соленые шутки, солоно досталось* и мн. др., а также богатая фразеология (например, *хлеб да соль; недосол на столе, а пересол по спине; пуд соли съест*), использование лексических единиц данного поля в качестве названий художественных произведений (например, известный рассказ А.П. Чехова «Пересолил») и др.

В чем ценность изучения лексики старинных крестьянских промыслов? На наш взгляд, прежде всего в богатой представленности в ней так называемых исконно русских слов. Если в целом язык народа является одним из признаков идентичности нации, продуктом, формой и способом хранения культуры народа, то и отдельные слова, родившиеся когда-то в его недрах для выражения освоенных народом физических и духовных реалий, являются крупными этой культуры и национального самосознания.

Старые слова, забытые или полузабытые сейчас, во времена их активного использования были связаны десятками или даже сотнями нитей с другими словами, отражая и направляя путь осмысления мира русским человеком, проявлялись своими значениями в других словах, поддерживая целостность лексико-семантической системы языка. Их притягательность для носителя русского языка в наше время – в этой их коренной связи с другими словами родной речи. Говорят, что один человек в поле не воин. Отдельное слово, потерявшее все связи в языке, его породившем, тоже не боец. Не поддержанное родственными словами, оно теряется в море лексики, не находя себе поддержки ни в устной, ни в письменной речи.

Производные слова, ушедшие из живой коммуникации, оказываются интересными при их современном «прочтении», так как их структурные части могут быть известны по каким-то другим единицам. Такие солеваренные термины, как *сугреб* (гребу, гребля, грабли, гребень, сугроб и мн. др.), *варь* и *варя* (варить, заварка, навар, отвар, варенье и др.), *рассол* (солить, насолить, засолка, рассольник, соленья и др.), легко становятся в ряд современных однокоренных слов. Слова *варница* (темница, светлица), *ухватчик* (захватчик, перехватчик), *песочник* (кирпичник, молочник), соотносясь в современном языковом сознании со словами того же типа образования, также легко поддаются языковой категоризации, а следовательно, и осмыслению.

Хорошо сказал об этом М.И. Литвинов: «Хотя старая лексика народных промыслов, ремесел в настоящее время находится на периферии употребления и требует особых усилий исследователей в процессе собирания, для многих она остается интересной в научном отношении, ведь именно язык сохраняет для потомков знание о материальной культуре, привычных занятиях населения, когда уходят бытовые реалии» [14]. В диссертации Л.М. Пантелеевой был сделан вывод о том, что «приостановление добычи и выварки соли в регионе привело к прекращению развития старой солеваренной лексики», единицы которой «в большинстве своем ушли в пассивный запас» [21]. Но подчеркнем, что «пассивный запас» – это еще не полная утрата слов, служивших когда-то ориентирами в сфере профессиональных знаний. Эти слова остаются в народном «запасе», то есть всегда могут быть востребованы при желании понять язык и мысли тех, кто говорил по-русски четыре-пять столетий тому назад, а могут и возродиться в контекстах современной эпохи в своих новых значениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988.
2. Акты писцового дела (1644–1661 гг.). М.: Наука, 1977.
3. Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря. 1572–1584 гг. Л.: Наука, 1990.
4. Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. Т. 1–3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2001–2010.

5. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI – начала XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
6. Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969.
7. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
8. Гаврилов Д.В. Горнозаводской Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
9. Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. Изд-во Моск. ун-та, 1965.
10. Демкин А.В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: Города Верхневолжья. М.: Наука, 1990.
11. Заозерская Е.И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. К вопросу о генезисе капитализма в России. М.: Наука, 1970.
12. Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. М.: Наука, 1978.
13. Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: У истоков российской промышленной политики. М.: Древлехранилище, 2005.
14. Литвинов М.И. Профессиональная лексика ремесел, промыслов и кустарных производств Шуйского региона. Лексический, семантический и словообразовательный анализ / Деп. в ИНИОН РАН в 1993 г.
15. Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» великого князя Николая Михайловича. Т. 1: Губернии Астраханская, Вятская, Нижегородская, Самарская, Саратовская и Симбирская / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
16. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1, 2. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999.
17. Мосин А.Г. Исторические корни уральских фамилий. – Екатеринбург: Изд-во «Голицынский», 2008.
18. Памятники деловой письменности XVII в. Владимирский край / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1984.
19. Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI – начало XVII в. / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1990.
20. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1977.
21. Пантелева Л.М. Лексика солеварения в русском языке на материале памятников письменности и современной речи жителей г. Соликамска: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2013.
22. Подюков И.А. Лексика прикамского солеварения как объект лексикографии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010 Вып. 2 (8). С. 25–29.
23. Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 1. 1700–1725. М.: Наука, 1978.
24. Сербина К.Н. Крестьянская железодельная промышленность центральной России XVI – первой половины XIX в. Л.: Наука, 1978.
25. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Часть 2. Л–Я / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Наука, 1989.
26. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. / под ред. О.С. Мжельской. Вып. 2–4. СПб.: Наука, 2006–2011.
27. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. Вып. 2. К–О. СПб.: «Дмитрий Буланин, 2005.
28. Словарь русских народных говоров. М.; СПб.: 1965–2007. Т. 1–41.
29. Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–6. Л.: Наука, 1984–1991.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–23. М.: Наука, 1975–1991.
31. Солеварение. Солигалич. Соликамск. Сольвычегодск. Соль поваренная // Энциклопедический словарь. Издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1900. Т. 60. С. 751–840.
32. Таможенные книги Московского государства XVII в. Т. 1, 2. Северный речной путь: Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма. М.; Л., 1950–1951.
33. Торговля // Энциклопедический словарь. Издатель Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1901. Т. 66. С. 541–588.
34. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957.
35. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.
36. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М.: АСТ : Астрель, 2009.
37. Чиркова С.В. Слово *варница* в истории русского языка // Вестник Пермского университета. Лингвистика. 2000. Вып. 1. С. 168–179.
38. Шейдаева С.Г. Лексика крестьянских промыслов как источник русских фамилий: кожевенное производство // Вестн. Удм. ун-та. Сер. История и филология. 2014. Вып. 2. С. 112–120.
39. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 4 / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1977.

Поступила в редакцию 15.03.17

S.G. Sheidayeva

THE VOCABULARY OF SALT WORKINGS AND ITS REFLECTION IN RUSSIAN SURNAMES

The vocabulary of Russian salt workings is considered in the article. The research is made on the monuments of writings of the XVI–XVIII centuries and historical dictionaries. Appeal to historical dictionaries is a chance to expand a

lexical material for study and verify meaning of terms. On the grounds of the analysis of the material, a conclusion is made about the composition of the vocabulary of Russian salt workings (names of buildings, instruments, working processes, workers). Special attention is paid to Russian professional surnames formed on the basis of this vocabulary (Solevarov, Tsirenshikov, Trubnikov, Podvarkov and the others). Within the framework of modern Russian anthroponymic system there is a number of surnames the origin of which is related to the vocabulary of ancient useful arts and trades of peasantry. Each of them needs to be interpreted and conceived. The vocabulary of ancient trades in modern language lies in an outlying area, but preserves data concerning the material culture of people and the source of many Russian professional surnames.

Keywords: vocabulary of salt workings; specialization of common nouns; Russian professional surnames; archaism.

Шейдаева Светлана Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка, теоретической
и прикладной лингвистики

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)
E-mail: Sheidaeva@mail.ru

Sheidayeva S.G.,
Doctor of Philology, Professor,
Professor at Department of Theoretical
and Applied Linguistics

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
E-mail: Sheidaeva@mail.ru